

малось за безверие и скупость, и потому для избежания общественного презрения богоразумие было осуждено на молчание.

Между тем события доказали, что все предпринимаемое человеком без помощи разума и обсуждения не приводит к счастливому результату; и вскоре, говорит один современник, вся эта толпа исчезла, quasi evanuit universa. Но при этом нужно строго отличать судьбу крестоносцев немецких и французских, хотя, быть может, часть последних также направилась в Италию.

Достаточно было надеть на себя крест, чтобы быть допущенным к Крестовому походу; если в походах, устроенных светской и духовной властью, вся бдительность церквей и прелатов не могла устранимать безправственных людей, то какие люди должны были попасть в сборище, образовавшееся без всякого надзора и в составе которого большинство членов, подобно блудному сыну, бежало из родительского дома, чтобы предаться на просторе самым преступным наклонностям. А потому нас не должно удивлять рассказ Готфрида, монаха, о том, что к немецким пилигримам примешивались воры и исчезали, ограбив их обоз и похитив припошения, которыми падежали их верующие. Один из таких воров, будучи узпан в Кельне, окончил свои дни на виселице. К этому первому несчастью присоединились тысячи других бедствий, бывших неизбежным результатом отсутствия предусмотрительности в крестоносцах. Утомление от продолжительного пути, жар, крайность, погубили большую часть. Из прибывших в Италию, одни рассеялись по деревням, были ограблены жителями и обращены в рабство; другие, в числе 7 тысяч, явились под Генуей: сначала снат дозволил им оставаться в городе шесть или семь дней; но, подумав впоследствии о бесполезности предприятия, боясь, что такое множество людей произведет голод, и в особенности опасаясь того, что император Фридрих II, восставший против Папы и объявивший войну генуэзцам, воспользуется этим случаем, чтобы произвести какое-нибудь смятение, снат приказал крестоносцам удалиться из города. Впрочем, со времен Бизарро (написавшего историю Крес-

товых походов в XVI в.) утвердилось мнение, что республика даровала права гражданства многим немецким юношам, знаменитым по своему происхождению, впоследствии они приобрели такое значение, что вступили в сословие патрициев; и от них, присоединяет тот же историк, ведут свое начало многие фамилии, существующие даже в наше время, и между которыми в особенности славится дом Вивальди. Другие, осознав слишком поздно свое заблуждение, обратились в свою сторону; и эти крестоносцы, которые недавно шли многочисленными толпами, с пением гимнов, назначенных для их воодушевления, возвращались поодиночке, лишенные всего, с большими ногами, испытывая все муки голода и осмеиваемые населением городов и сел; при этом погибли многие молодые девушки.

Французские крестоносцы имели почти такую же участь: ничтожная часть возвратилась, а остальные погибли в волнах или сделались предметом спекуляции для двух марсельских купцов. Гуго Феррей и Вильгельм Порк – таковы были их имена – вели с сарацинами обширную торговлю, значительную ветвь которой составляла продажа мальчиков. Им представился самый благоприятный случай; они предложили пилигримам, прибывшим в Марсель, перевезти их на Восток без всякого вознаграждения, и предложом к такому великодушию выставили свое благочестие. Это предложение было принято с радостью, и семь кораблей с пилигримами отплыли к берегам Сирии. После двух дней плавания, когда этот флот находился в виду острова Св. Петра, близ Скалы Уединения, поднялась жестокая буря, и море поглотило два корабля со всеми их пассажирами. Остальные пять достигли Александрии, и молодые крестоносцы были все проданы сарацинам или торговцам рабов. Калиф купил для себя сорок юношей, которые еще прежде вступили в различные ордена, и воспитал их тщательно в одном уединенном месте: двенадцать из них погибли мучениками, не желая отказаться от своей религии. По словам одного из клериков, воспитанного калифом и получившего впоследствии свободу, никто из юношей не при-